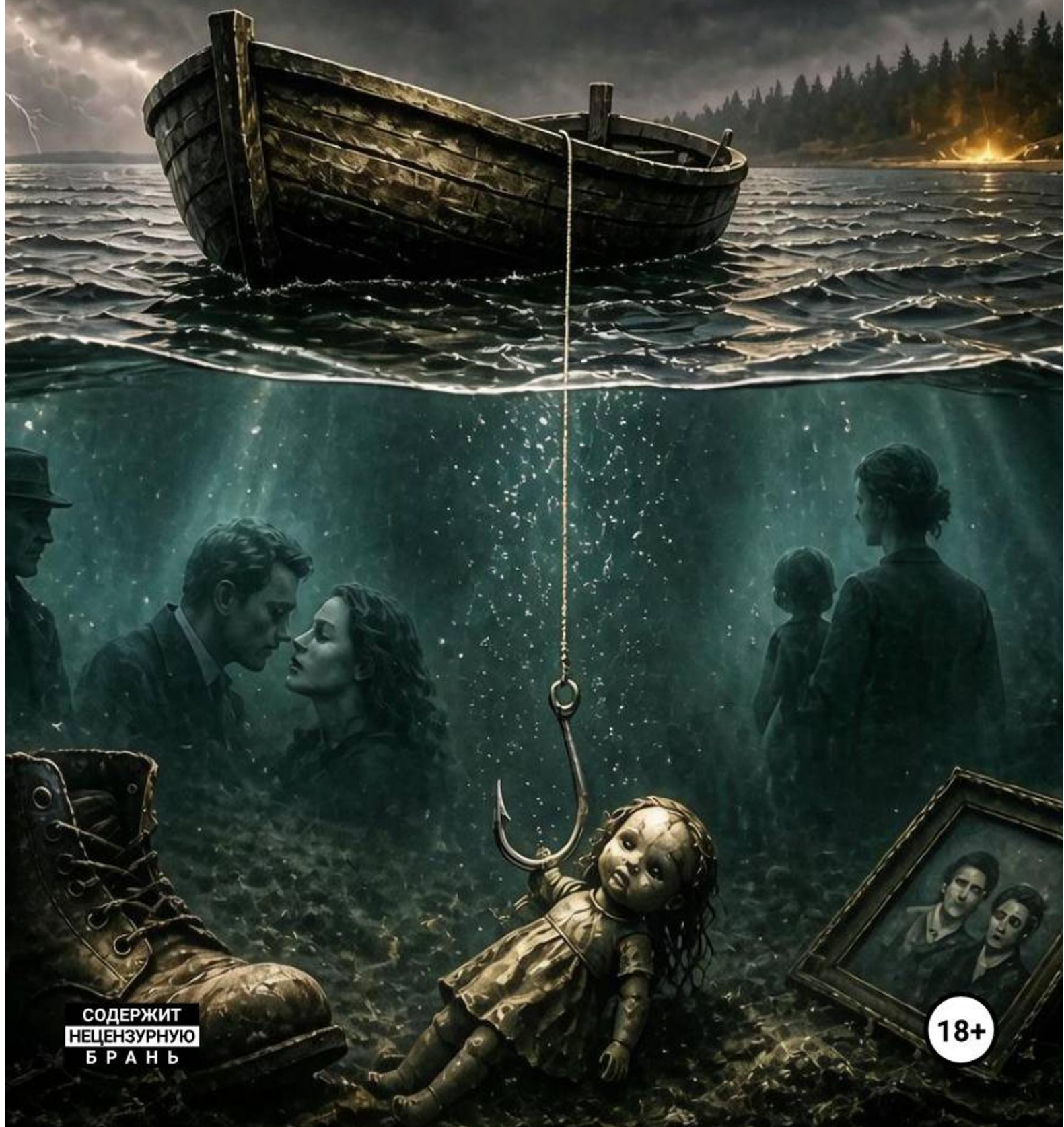

На крючке судьбы

Алгоритмическое сопротивление

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

авторы алгоритмического сопротивления

Мария Громкова
На крючке судьбы

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

2026

Громкова М.

На крючке судьбы / М. Громкова — «Автор», «Автор»,
«Автор», «Автор», «Автор», «Автор», 2026 — (авторы
алгоритмического сопротивления)

Вода помнит всё: каждый всплеск, каждую тайну, каждую душу, что когда-либо доверяла ей своё отчаяние. Сборник рассказов «На крючке судьбы» — это разные истории, объединённые одним: человек с удочкой, наедине с водой. Но рыба здесь — лишь предлог, потому что настоящий крючок всегда цепляет душу. Шесть рассказов. Шесть водоёмов — от моря до реки Смородины. И каждый крючок находит что-то своё: боль, надежду, тайну, смех или прощение. Сборник для тех, кто когда-либо сидел с удочкой на берегу и понимал: главное — не рыба, а разговор с тишиной.

© Громкова М., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Алис Март	6
Элен Корш «Тихое озеро»	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Мария Громкова

На крючке судьбы

Алис Март

Лодку звали «Авось». Когда-то, ещё при отце, она сияла свежей голубой краской и звалась «Чайкой». Но тётка Зина, получив в наследство и лодку, и дом, и саму Лику, переименовала посудину со свойственным ей мрачным цинизмом: «Авось не потонешь, авось вернёшься».

Краска облупилась, обнажив серую, изъеденную солью древесину. Вёсла были тяжёлыми, не по росту, и девочке приходилось налегать всем телом, чтобы провернуть их в уключинах.

Ли́ка сидела на корме, сжимая в озябших пальцах самодельную снасть: свинцовое грузило, отлитое в консервной банке, и кованый крючок, привязанный особым рыбацким узлом.

Отец учил: «Узел должен держать так, чтобы леска порвалась где угодно, но не на нём». Ли́ка вязала узлы с десяти лет и никогда не ошибалась.

Поплавок из гусиного пера, раскрашенный красной и белой краской, покачивался на воде.

Клёва не было. Ли́ка проверяла наживку, вытаскивая леску. Червь размокал, становился вялым. Она меняла его, злясь на собственную неудачливость.

Море, ещё утром гладкое, начинало дышать глубоко и тревожно.

На дне лодки сиротливо лежал тощий окунёк и пяток бычков, смешно растопыривших колючие плавники.

Для ухи этого было мало. Слишком мало, чтобы тётка не устроила очередной скандал. Та требовала карасей, судака или щуку. Хотя знала: с лодки на простую удочку серьёзную рыбу не поймать. Нужен спиннинг, блесны. Но снасти отца тётка продала в первый же год, пропив выручку с рыночным торговцем Валеркой.

Ли́ка могла напомнить, что отец и мать ходили в море за уловом для всей артели. Они были лучшими рыбаками на побережье. Но спорить с тёткой бессмысленно – та питалась её болью и не наедалась.

Ли́ке было четырнадцать. У неё отцовские широкие скулы и материнские серые, как небо перед дождём, глаза. Она перебирала леску, чувствуя каждый микрон вибрации, как учил отец: «Когда не клюёт – слушай воду. Вода расскажет, где рыба стоит». Ли́ка слушала. Вода молчала. Молчание было тяжёлым, предгрозовым.

Порыв ветра ударил неожиданно. Поплавок дёрнулся, ушёл в сторону. Леска натянулась, завибрировала.

Ли́ка принялась быстро выбирать снасть. Пальцы двигались сами, с отточенной годами сноровкой.

Небо темнело, наливалось чернильной синевой. Сначала пропали чайки. Их крики сменившись вязкой тишиной.

Надо возвращаться.

Ли́ка схватилась за вёсла, но лодка уже плясала на чёрных горбах волн, выставивших из глубины без всплеска и пены. Весло вырвалось из рук, ударило по пальцам. Ли́ка вскрикнула. Отец говорил: «Весло в море – это жизнь. Потерял весло – потерял половину шансов».

Ветер загудел в ушах торжествующе. Этот звук снился ей каждую ночь последние два года.

Ли́ка видела всё с берега, но во сне всегда оказывалась внутри.

Гул нарастал, переходя в рёв. Небо падало в море, море вздымалось к небу. В этой жуткой смычке не оставалось места для маленького судна «Надежда».

Отец, огромный и надёжный, как скала, толкал мать к шлюпке. Мама, тонкая и гибкая, цеплялась за тросы мокрыми руками. Ветер вырывал слова. Девочка знала, что кричала мать: «Ли́ка!» Отец оглянулся на берег. Там стояла она, десятилетняя, прижимая к груди куклу. В глазах отца не было страха, только бесконечная любовь и горечь.

Тёмная волна встала за кормой, закрыла полмира и обрушилась вниз. Раздался хруст, скрежет. «Надежда» переломилась, как щепка.

И наступила тишина. Только дождь хлестал по опустевшей воде, выбивая миллионы мелких кратеров.

Тела не нашли. Лишь спасательный круг с надписью «Надежда» прибило через три дня к скалам у мыса.

Ли́ка сжалась в комок. Лодка стонала. Стихия кричала голосами утопших и выла в уключинах.

Девочка чувствовала, как сознание затапливает ужас. Она больше не была угрюмым подростком, которого гнобит тётка. Она снова стала ребёнком на берегу, который смотрит, как море забирает родных.

Воспоминание было настолько ярким, что она почувствовала запах свежельвленной рыбы, смешанный с соляной и йодом. Запах родительского судна, возвращавшегося с промысла.

– За что? – ветер слизнул шёпот с губ. – Ты их уже забрало... Отпусти...

Волны не слушали. Они раскачивали лодку с жестокостью пьяного хулигана. Ливень встал стеной. Слезы текли по лицу, смешиваясь с солёными брызгами, но внутри, под толщей ледяного страха, разгорался уголёк ярости. Она вспомнила руки тётки, пересчитывающие её сиротскую пенсию. Вкус пустого чая без сахара. Как тётка продала отцовский спиннинг с пробковой рукояткой.

Нет.

Не бывает этому.

Она не станет кормом для рыб. Не оставит тётке повода для притворных слёз.

Ли́ка схватила консервную банку и принялась лихорадочно вычерпывать воду. Тонкие руки налились неведомой силой. Она кричала матом, которому научилась в порту. Молитвами, которые помнила от бабушки. Именами родителей, словно заклинанием против тьмы.

Отец учил: «Накрыло волной – не борись, пропусти над собой, нырни под гребень». Но как нырнешь, когда ты в лодке?

– Папа, держи меня! Мама, родная, помоги!

Небо раскололось. Горизонт прошила ослепительная молния. Гром ударил сразу, без задержки, прямо над головой, вбивая тело обратно в скамью. Оглушённая, ослепшая, Ли́ка успела увидеть это.

Волна.

Чёрная, стеклянная, живая. Она поднималась, пожирая пространство, засасывая воздух. От неё веяло холодом глубин, куда никогда не проникает солнце. Вершина загнулась, покрываясь кружевом шипящей пены.

Ли́ка перестала бороться. Просто смотрела, широко раскрыв глаза. В них была прозрачная, хрустальная пустота.

Лодка задрала нос почти вертикально. Снасти, жестянка, рваный дождевик – всё покатилось в кипящую бездну.

Ли́ка вцепилась в мокрое дерево. Она видела, как гребень накрывает её тенью.

– Прости меня, пап... – только и успела выдохнуть она.

Удар был беззвучным. Мир перевернулся и исчез. Не стало ни верха, ни низа. Лёгкие обожгло ледяной тяжестью. Вода сомкнулась над головой, и наступила тьма. Глубокая, лишённая всякого звука, кроме тяжёлого биения собственного сердца. Оно стучало всё тише, всё спокойнее. Тук... тук... тук...

...Первым, что вернулось, был звук.

Тихий, ласковый плеск.

Потом пришёл свет. Он просачивался сквозь сомкнутые веки. Тепло разливалось по щекам, по онемевшим пальцам. Пахло глиной, йодом и едва уловимо – рыбой.

Лица открыла глаза.

Небо сияло лазурью, какая бывает после того, как буря уйдёт за край земли. Солнце висело у самого горизонта, его лучи золотили мокрый песок.

Лица лежала на дне лодки. Она подняла руку – пальцы, минуту назад царапавшие дерево, были чистыми. На безымянном тускло блестело колечко. Мамино, которое Лица год назад тайком вытащила из шкапулки тетки.

Лица села, посмотрела на берег. Пустынный, бесконечный, он уходил вдаль белой лентой.

Лица перелезла через борт. Она стояла в прохладной воде, глядя туда, где море сливалось с небом, и не понимала. Она ничего не помнила между падением в бездну и пробуждением.

Была ли борьба?

Выплыла ли она сама?

Или...

Лица опустила взгляд. Вода вынесла на песок куклу. Старую, с пуговичными глазами, с волосами из капроновых ниток. Ту, которую она прижимала к груди, когда погибла «Надежда».

Этого не могло быть. Кукла сгорела в печи, когда тётка вычищала родительский дом.

Лица медленно наклонилась, подняла ее и в этот момент услышала голоса.

– Доченька! Мы уже сети проверили, а ты всё спишь! Улов-то какой!

Она вздрогнула. Со стороны дюн, залитых закатным солнцем, к воде спускались высокий мужчина с широкими скулами, в линялой тельняшке, с мозолистыми руками рыбака и тонкая женщина с развевающимися на ветру волосами, в которых запутались серебряные чешуйки. Они улыбались. За их спинами стоял деревянный дом. Из трубы вился дымок, пахнувший печёной картошкой и ухой.

Волна набежала на песок, обняла ступни тёплой пеной. На душе стало тихо, как не было много лет.

Девочка сделала шаг и вдруг побежала, поднимая босыми пятками фонтаны брызг, чувствуя, как упруго и надёжно держит её песок, а ветер подталкивает в спину.

Быть может, она всё же выплыла? Быть может, море, забравшее родителей, пощадило дочь? А может, волна, накрывшая лодку, была последним, что она видела в этом мире?

Никто не узнает правды. Только чайки, кружащие над пустынным пляжем, видели, как маленькая фигурка в рваной штормовке вышла из воды и, не оставляя следов на мокром песке, побежала к солнцу. К тем, кто ждал её на берегу с песней о море, которое всегда возвращает рыбаков домой.

Элен Корш «Тихое озеро»

Лодка называлась «Радость», хотя радостью тут никогда не пахло. Облупившаяся синяя краска, ржавые уключины, на дне, слой рыбьей чешуи, въевшийся в дерево так глубоко, что казалось лодка медленно превращается рыбу. Вера сидела на корме и смотрела, как Аня возится с вёслами.

— Ты уверена, что умеешь грести? — в голосе послышался скепсис.

— Я умею всё, — буркнула Аня, не оборачиваясь.

Вера хмыкнула. Аня действительно умела многое, она умела молчать, когда надо, и говорить, когда молчать было невозможно. Она умела смотреть так, будто прокляла человека и жить ему осталось несколько часов. А еще она умела одной безобидной фразой, «молодец», послать в изящное матерное путешествие, и ни у кого еще не возникало иных мыслей. Но грести она не умела. Лодка крутилась на месте, как собака, гоняющаяся за собственным хвостом.

— Давай я. — предложила Вера, прикинув, как и что нужно делать.

— Сиди. — безапелляционно, сквозь зубы процедили Аня.

Вера вздохнула и уставилась на воду. Озеро было серым, тяжёлым, как ртуть. Ни ветерка, ни малейшего намека на жизнь, где-то там под толщей воды. Тишина стояла такая, что закладывало уши. Хотелось обхватить себя руками, чтобы избавиться от гнетущего чувства пустоты, что навеивала эта тишина.

На берегу осталась Зоя. Она сидела на перевернутом ящике с удочками, курила, по старинке, сигареты, стряхивая пепел в траву, и смотрела им вслед. Она не хотела плыть на лодке, не хотела тратить день на бесполезное занятие, не хотела выходить из своей квартиры. Она вообще ничего не хотела последние полгода.

Они приезжали сюда каждое лето с двенадцати лет. Сначала с родителями, отцы ставили палатки, матери жарили картошку на костре, а они втроём убегали на дальний пляж, курить тайком сигареты, украденные из папиной пачки, и говорить о мальчиках. Потом родители перестали приезжать. Сначала мама Ани, ушла к другому. Потом отец Веры, умер. Потом родители Зои развелись, и оказалось, что делить, кроме дачи, нечего.

Теперь эта дача принадлежит Зои, а рядом, все то же озеро, которое помнило их еще девочками в одинаковых сдельных купальниках, что тогда были очень модными и продавались только на рынке, в выходной день.

Теперь им было по тридцать четыре.

— Зоя не приедет в следующем году, — сказала Аня, когда лодка наконец перестала описывать круги и поплыла к середине озера.

Вера непонимающе нахмурилась и подняв голову любопытно посмотрела на подругу.

— С чего ты взяла?

— Она не собирается жить.

Вера хотела возразить, сказать, что Аня драматизирует, что Зоя просто устала, что все устали, что жизнь — это непредсказуемая штука, что нужно бороться, нужно к чему-то стремиться, чего-то добиваться, кому-то что-то доказывать... Но слова застряли в горле, потому что она знала, Аня права. А еще потому, что эти слова из ее уст звучали не убедительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.